

Тао Лин прочитал этот вопрос и улыбнулся.

Он задумался над тем, как следует на него ответить, используя самые простые слова, схватил свой телефон и мягко произнес:

- Вэнь Цинъюн, ты слишком проникателен.

Поскольку тот не мог ни слышать, ни говорить, Тао Лин никогда не называл его по имени. В момент, когда три слога «Вэнь, Цин, Ин» сорвались с его губ, Тао Лин замер. Произнеся это имя вслух, он как будто приподнял уголки губ.

И это было похоже на улыбку.

Тао Лин поднял глаза и посмотрел на Вэнь Цинъюна. Тот сложил руки на краю стола, наклонился к нему с совершенно прямой спиной и медленно поднял бровь, показывая, что готов слушать, что он скажет.

Тао Лин фыркнул и усмехнулся:

- Ты что, первоклассник? Почему сидишь так прямо?

Увидев, что он заговорил, Вэнь Цинъюн остановил взгляд на его губах. Когда Тао Лин сделал короткую паузу, тот посмотрел ему в глаза, а затем показал в улыбке два клыка.

- Не издевайся над людьми вот так! - бешено крикнул голос в сознании Тао Лина. Голос взревел только раз, а затем Тао Лин подавил его. Но тем не менее голос успел упрямо пробормотать еще несколько слов, словно пузырь в горячей воде, лопнувший в попытке выплеснуть чуть-чуть водяного пара.

Тао Лин задумался на мгновение, в затем быстро набрал на своем телефоне: «Правильно, связь колдовства и психологии - это одна проблема, а психологии и цзянчжэня - другая. Все три не могут быть равны друг другу. Резюмируя лекцию, я сосредоточился только на краткости, поэтому моя формулировка не была достаточно корректной. Это было моей ошибкой». [Прим. англ. пер. цзянчжэнь (靛木), англ. lakewood - красноватая ароматическая древесная сердцевина, которая в прошлом использовалась в качестве благовоний. Этот вид благовоний был действительно популярен среди даосов - на самом деле они считали, что его аромат может привлечь бессмертных в человеческий мир.]

Напечатав часть, он поманил Вэнь Цинъюна. Тот подошел к нему с противоположной стороны и, осторожно приблизившись к Тао Лину, читал по одному предложению за раз.

У Тао Лина кожа была довольно светлого оттенка, пальцы - тонкими и четко очерченными, ногти - аккуратно подстриженными. В этот момент кончики пальцев резво прыгали по экрану,

и он не знал, что в глазах других людей он выглядел уравновешенным и спокойным.

И очень красивым.

«Считается, что так называемый цзянчжэнь приводит бессмертных в мир смертных. И если его сравнить с ритуалами призыва богов в психографии, вполне разумно было бы сказать, что они очень похожи. И в колдовстве, и в психографии есть особые черты, которые также обнаруживаются и в китайском даосизме. Когда бессмертные спускаются с небес, тех, кто получает приказы от богов, ученые считают духовными медиумами. Если мы внимательно на них посмотрим, то всегда сможем обнаружить присутствие шаманских духов.

Более того, цзянчжэнь также связан с классическими традициями, такими как традиционное взаимодействие между богами и смертными из Чу Цы. Но разве это в своей основе не колдовство? Не обязательно. Многие люди только рассматривают это как колдовство.

Процесс формирования даосских писаний очень сложен. Возьмем священные писания Высшей Ясности в качестве примера – что касается окончательной формы писаний, то нельзя недооценивать вклад организаций, к которым принадлежали духовные медиумы. Даосским писаниям посвящены многие исследования, хотя, на самом деле, важно и психологическое состояние тех, кто практикует даосизм. Эти исследования включают как вопросы изучения религиозного опыта, так и психологическое изучение религии. Если вы прибавите к ним феноменологию религии, то с ее помощью сможете составить еще больше теорий. [Прим. англ. пер. У меня мозги взорвались. Прим. пер. У меня тоже.]

Вэнь Циньин дочитал все до конца, строчку за строчкой. Его взгляд надолго приковался к экрану.

Их плечи находились очень близко друг к другу; между ними почти не осталось свободного места. Когда Тао Лин вдруг повернул голову, их взгляды почти столкнулись.

Через мгновение Тао Лин опустил голову и уставился в телефон.

Казалось, что Вэнь Циньин не заметил этой мимолетной странности. Он все еще хмурился и выглядел погруженным в свои мысли. Через некоторое время он протянул руку через стол, чтобы взять листок бумаги.

Тао Лин сидел у стены, и, когда Вэнь Циньин это сделал, показалось, что он как будто прижался всем телом к груди Тао Лина.

Как будто обнимал.

До лица Тао Лина донесся чистый аромат его одежды. Это был запах неизвестного Тао Лину кондиционера для белья, несколько теплый и сладкий.

Он сделал неглубокий вдох и против воли задержал дыхание. Только когда он осознал, что делает, стиснул зубы и медленно выдохнул.

Вэнь Цинъин – который ничего не подозревал – уже начал писать на бумаге: «Простите, мистер, я слишком глуп и не смог понять того, что вы сказали. Чтобы закончить с этим, колдовство, психографию, духовных медиумов и шаманизм можно рассматривать по отдельности, верно? Тут можно написать много информации».

Когда он закончил писать, Тао Лин приподнял уголки губ и произнес с улыбкой:

- Конечно же, я не приму твое извинение. Ты называешь себя глупым несмотря на то, что так умен. Такие дети, как ты, раздражают меня больше всего.

Одновременно он схватил телефон и напечатал: «Да, есть много вопросов, на которые я тоже не могу ответить. Я не специализируюсь во всех областях и поэтому недостаточно хорошо разбираюсь во всех темах. Когда речь заходит о таких вещах, как психиатрия, – я просто профан. Сколько бы я не размышлял о теориях, я до сих пор не чувствую покоя».

Вэнь Цинъин заново перечитал содержание, вынул телефон и напечатал: «Мистер, я видел книгу, в которой говорилось, что человек исповедует религию, чтобы служить жизненной цели. Для чего вы их изучаете? Это тоже хорошая жизнь? Или вы делаете это из-за чего-то другого?»

Тао Лин постукивал пальцем по бумаге, и в момент, когда Вэнь Цинъин задал вопрос, темп ударов внезапно замедлился. Спустя долгое время он поднял глаза и нерешительно посмотрел на Вэнь Цинъина.

Вэнь Цинъин в замешательстве моргнул.

Тао Лин молчал. Эти вопросы, кажется, заставили его задуматься, есть ли смысл все это делать, а еще – в чем смысл жизни. Однако это был уже не первый раз, когда Вэнь Цинъин заставлял его задумываться в этом направлении. Все вопросы, которые тот ему задавал, касались тугого клубка проблем Тао Лина.

Некоторые вещи просто невозможно разжевать для другого человека или хотя бы ясно их выразить. И это еще сложнее в ситуации, когда способность мыслить у вас частично потеряна.

Тао Лин молчал какое-то время, а затем подумал вслух:

- Нет, все как раз наоборот – я не знаю, как хорошо прожить свою жизнь.

Когда он говорил, он не смотрел на Вэнь Цинъина, так что это нельзя было считать ответом.

Вэнь Циньин опустил голову и снова начал печатать: «Мистер, я могу сказать, что вы очень счастливы, когда обсуждаете эти вещи со мной. В какой-то момент я почувствовал, что вы больше высказываете свое мнение, чем просите понимания у других людей. Возможно, именно поэтому вы изучаете все эти темы, верно?»

- Думаю, да, - Тао Лин был застигнут врасплох.

Глаза Вэнь Циньина изогнулись, и он продолжил печатать: «Даже если вам не нужно, чтобы другие вас понимали, я все равно приложу все усилия, чтобы попытаться вас понять. Мне это кажется очень интересным. Спасибо, мистер».

Он глядел на Тао Лина с искренним выражением, и в магазинном освещении его лицо казалось совершенно безупречным.

Внезапно Тао Лина захлестнуло чувство вины: он подумал, что то, как сильно забило его сердце мгновение назад, было неприличным. Однако эта мысль снова заставила его сердце забиться чаще. В конце концов он смог лишь неопределенно улыбнуться, презирая сам себя в этот момент.

Излишне было упоминать, что разговор с Вэнь Циньином всегда занимал много времени. Они обменялись всего лишь парой фраз, как уже наступила ночь.

Завтрашняя суббота была у Тао Лина выходной. Он сообразил, что цветочный магазин завтра все равно будет открыт, и хотел об этом напомнить, но каждый раз, как он пытался это сделать, его прерывали, не говоря уже о том, что Вэнь Циньин казался тогда полным энтузиазма.

Вэнь Циньин снова взял ручку и нарисовал на бумаге круг. Но, когда Тао Лин присмотрелся повнимательней, он заметил, что верхняя часть линии не была соединена. Рядом с рисунком были написаны три иероглифа «Янь Гэ Син», а под ними - указания династий.

Вэнь Циньин взглянул на Тао Лина и быстро напечатал: «А проблема традиций сложнее, верно? Не существует длительной традиции, которая шла бы по идеально прямой линии, и даже изогнутая линия не является идеальной дугой. Таким образом, идеального круга тоже не существует. Если мы изначально проигнорируем влияющие факторы, колдовство и цзянчжэнь окажутся не одним и тем же, и неважно, насколько они похожи».

Тао Лин кивнул с огромным интересом, поднял ладони к потолку и сделал «приветственный» жест.

Вэнь Циньин улыбнулся, и его пальцы снова запрыгали по экрану: «Как и «Янь Гэ Син», которая во времена императора Вэя была изначально написана, чтобы выразить чувства тоскующих жен и незамужних девушек. Но постепенно, из-за того, что становилось больше сражений в приграничных районах, у людей династии Тан она стала поэмой о крепости на

границе, а затем достигла пика популярности в период Цзя Чжи, который не оставил после себя ни следа боли и печали. Позже кто-то во время династии Мин решил повернуть время вспять и использовал «Янь Гэ Син», чтобы написать о мужьях, которые тосковали по своим женам на поле боя. Давняя традиция этой стихотворной темы как бы прошла по кругу, но даже если она появилась снова, то все равно не смогла отринуть изменения, произошедшие в середине пути, и вернуться в исходное состояние».

«Круг на самом деле кругом не является».

- Да, как и распавшийся брак невозможно восстановить, так и нельзя оживить мертвого. На самом деле эти два примера не очень-то хороши, - сказал Тао Лин. Только закончив говорить, он вспомнил, что Вэнь Цинъюн не может его слышать, поэтому закрыл рот, улыбнулся и поаплодировал от всего сердца.

Улыбка Вэнь Цинъюна была очень счастливой.

Тао Лин задумался над тем, как Вэнь Цинъюн вел себя и раньше, и теперь. Всякий раз, как тот общался с людьми, уровень его образования становился очевиден. Тао Лин подумал, что не должен был встретить такого человека в цветочном магазине.

Подумав минутку, он написал: «В каком университете вы учились?»

Примечание автора.

Вэнь Цинъюн дает собственную интерпретацию «Янь Гэ Син». Я не видела, чтобы кто-нибудь обсуждал эту маленькую тему до того, как начала писать роман, так что источник этих рассуждений отсутствует.

<http://bllate.org/book/13907/1225709>